

ВРЕМЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ И КОММЕНТАРИЯХ К НИМ

Александр Долинин
(Мэдисон / С.-Петербург)

Многие помнят, что в главе III первой части «Анны Карениной» Стива Облонский за кофе просматривает свежий номер своей любимой либеральной газеты. Кроме руководящей (мы бы сказали передовой) и экономической статей со шпильками по адресу правительства и министерства финансов, он прочел «и о том, что граф Бейст, как слышно, проехал в Висбаден, и о том, что нет более седых волос, и о продаже легкой кареты, и предложение молодой особы» (Толстой 1960–1965, 8: 15). В начатом, но вскоре брошенном комментарии к «Анне Карениной» Набоков уделил этой фразе особое внимание, решив, что по ней можно датировать начало романа. Упомянутый граф Бейст, писал он, – это австрийский государственный деятель, 10 ноября 1871 г., внезапно освобожденный от поста канцлера и назначенный послом при английском дворе. «Перед самым Рождеством 1871 г. сразу же после представления верительных грамот он покинул Англию, чтобы провести со своей семьей два месяца в Северной Италии. Согласно газетам того времени, а также собственным мемуарам Бейста (London, 1887), его возвращение в Лондон через Висбаден совпало с приготовлениями к благодарственному молебну, который должен был состояться в соборе Св. Павла во вторник, 15/27 февраля 1872 г., в честь выздоровления принца Уэльского от тифа. Облонский прочел о путешествии Бейста в Англию через Висбаден в пятницу, и единственная подходящая пятница – 11/23 февраля 1872 г. – день, с которого начинается роман» (Nabokov 1981: 213; перевод мой. – А. Д.).

Набоков, большой мастер разнообразных игр с фикциональным и календарным временем, обнаружил у Толстого аналогичный прием. «Некоторые из вас, наверное, все еще недоумевают, почему мы с Толстым упоминаем подобные пустяки, – объяснял он. – Чтобы

магия искусства, художественный вымысел казались реальными, художник иногда помещает их в особую историческую систему отсчета, ссылаясь на какой-либо факт, который можно легко проверить в библиотеке, этой цитадели иллюзий» (Там же).

Набоков был так доволен своим наблюдением, что вложил его в уста профессора Тимофея Пнина как свидетельство острого ума своего незадачливого героя (см.: Nabokov 1989: 122). В 1990-е годы я ссылаясь на него в своих работах, не сомневаясь в том, что Набокову удалось сделать маленькое комментаторское открытие. Оно мне нравилось больше, чем приблизительные подсчеты Э. Г. Бабаева, который отталкивался от датировки сцены проводов добровольцев летом 1876 г. в восьмой части романа и, двигаясь назад, пришел к выводу, что действие романа начинается годом позже – в конце зимы 1873 г. (см.: Бабаев 1963: 476–477). Не сомневался в точности набоковского наблюдения и А. К. Жолковский, посвятивший рассуждению Набокова о превосходстве искусства над «реальностью» (в неперенных кавычках) одну из своих заметок о Толстом (см.: Жолковский 2011: 160–165).

Каково же было мое удивление, когда я решил проверить ссылку Набокова на мемуары графа фон Бейста по названному им английскому изданию 1887 г. и обнаружил, что никакого упоминания о его возвращении из Северной Италии в Лондон через Висбаден в них нет. Фон Бейст пишет лишь, что после вручения верительных грамот в Лондоне в начале декабря 1871 г. он ушел в длительный отпуск и поехал к семье в Зальцбург, потом в Вену, оттуда с женой и сыном отправился в путешествие по Северной Италии, после чего вернулся в Австрию и наконец отбыл по месту назначения (скорее всего, на экспрессе Вена–Мюнхен–Штутгарт–Страсбург–Париж–Кале–Дувр–Лондон) (см.: Beust 1887, 2: 314–315). Прусский курорт Висбаден в этот маршрут никак не вписывается. Более того, после отставки фон Бейста его имя почти полностью исчезает со страниц европейских газет, даже английских, так что после 1871 г. оно вряд ли могло появиться в газете русской.

Судя по всему, Толстой упомянул фон Бейста и отправил его в Висбаден, весьма популярный среди русских путешествен-

ников¹, не для привязки начала романа к определенной дате (о которой он, скорее всего, вообще не задумывался), а для того, чтобы высмеять современную либеральную прессу, скармливающую «глотателям пустот» пустую или пошлую информацию. Сообщение о слухах касательно передвижений некогда могущественного европейского политика, внезапно отправленного в тираж, – это для Толстого такая же газетная эфемериды, как объявления о продаже различного рода товаров и услуг². Набоков же приписал ему календарную технику, превосходящую прозу XX века, а когда в «Цитадели иллюзий» не нашлось факта, который бы подтвердил остроумную гипотезу, нужный факт просто-напросто придумал, чтобы Толстой выглядел художником набоковского склада.

На самом деле Толстой мало заботился о календарной когерентности, как интра-, так и экстратекстуальной. Число анахронизмов обоего типа в его романах весьма велико. Достаточно напомнить, что, по наблюдению того же Набокова (см.: Nabokov 1981: 220; Nabokov 1989: 122), «Анна Каренина» начинается в пятницу: «Была пятница, и в столовой часовщик-немец заводил часы» (Толстой 1960–1965, 8: 20), которая 25 страниц спустя оказывается четвергом. Левин на катке: «“Очень рада вас видеть, – сказала княгиня. – Четверги, как всегда, мы принимаем”. – “Стало быть,

¹ Незадолго до начала работы над «Анной Карениной» Толстой едва ли пропустил повесть Тургенева «Вешние воды» (1872), главного героя которой в Висбадене соблазняет и увозит с собой в Париж развратная *femme fatale*, жена его лицейского однокашника. В письме Толстому от 23 июля 1874 г. Н. Н. Страхов, прочитавший «Анну Каренину» в рукописи, писал: «Как Тургенев должен обозлиться! Он – специалист по части любви и женщин! Ваша Каренина разом убьет всех его Ирин и подобных героинь (как зовут в “Вешних водах”?)» (Толстой, Толстая, Страхов 2003: 172).

² Как установил И. Веницкий (частное сообщение), фраза «нет более седых волос» (*фр.* Plus de cheveux blancs; *англ.* No more grey hair; *нем.* Keine grauen Haare mehr) была навязчивым рекламным слоганом французской краски для волос «Mélano-gène», которая с середины 1850-х гг. до начала XX в. продавалась по всей Европе. По той же модели были образованы заглавия многочисленных инструктивных книг и брошюр, обещающих доверчивым читателям быстрое избавление от недугов и прочих напастей: «Нет более геморроя», «Нет более несчастья в любви», «Нет более мозолей», «Нет более ревматизма и подагры» и т. п.

нынче?» – «Очень рады будем видеть вас, – сухо сказала княгиня» (Там же: 43). В «Войне и мире» Толстой старался более или менее точно следовать общей хронологии военных событий, но в деталях допустил множество неточностей (см.: Козлов 2017). Немало их и в описаниях дворянского быта и нравов начала XIX века. Приведу лишь два примера музыкальных анахронизмов из второго тома, действие которого происходит в 1806–1811 гг. Когда в конце первой части Николай Ростов, проиграв огромные деньги Долохову, в полном отчаянии возвращается домой, его возвращает к жизни прекрасное пение Наташи:

«Что ж это такое? – подумал Николай, услышав ее голос и широко раскрывая глаза. – Что с ней сделалось? Как она поет нынче?» – подумал он. И вдруг весь мир для него сосредоточился в ожидании следующей ноты, следующей фразы, и все в мире сделалось разделенным на три темпа: «Oh mio crudele affetto... Раз, два, три... раз, два... три... раз... Oh mio crudele affetto... Раз, два, три... раз. Эх, жизнь наша дурацкая! – думал Николай. – Все это, и несчастье, и деньги, и Долохов, и злоба, и честь, – все это вздор... а вот оно – настоящее... Ну, Наташа, ну, голубчик! ну, матушка!.. Как она это *si* возьмет... Взяла? Слава богу! – И он, сам не замечая того, что он поет, чтобы усилить этот *si*, взял втору в терцию высокой ноты. – Боже мой! как хорошо! Неужели это я взял? как счастливо!» – подумал он.

О, как задрожала эта терция и как тронулось что-то лучшее, что было в душе Ростова. И это что-то было независимо от всего в мире и выше всего в мире. Какие тут проигрыши, и Долоховы, и честное слово!.. Все вздор! Можно зарезать, украсть и все-таки быть счастливым... (Толстой 1960–1965, 5: 69–70).

Баркарола “Oh mio crudele affetto” («О моя жестокая любовь» – *ит.*), упомянутая Толстым, действительно существует и исполняется по сей день, но его герои в 1806 г. петь ее никак не могли, потому что она будет написана итальянским композитором Джованни Паччини (1796–1867) почти двадцать лет спустя для оперы “L’ultimo giorno di Pompei” (1825), то есть «Последний день Помпеи». Точно так же

старая графиня Ростова не могла в 1810 г. просить арфиста Диммлера сыграть ее «любимый Nocturne мосье Фильда» (Там же: 308), потому что ирландский композитор и пианист Джон Филд (John Field, 1782–1837), работавший в России, начнет писать ноктюрны – жанр, им изобретенный, – лишь в 1812 г. Судя по упоминаниям Филда в сценах домашнего музицирования в «Детстве» и «Отрочестве» (см.: Толстой 1960–1965, 1: 48, 192–193), для Толстого он был музыкантом, модным в начале XIX в. еще до его рождения (мать Николеньки брала у него уроки фортепиано), и более точная датировка произведений композитора в художественную задачу «Войны и мира» не входила.

В поэтике XIX века подобные анахронизмы считались более или менее допустимыми, а для жанра исторического романа даже неизбежными. Вальтер-скоттовский исторический роман узаконил их как допущение, необходимое для того, что А. К. Толстой в предисловии к «Князю Серебряному» назвал воскрешением «физиономии эпохи», очерченной писателем (Толстой А. 1963–1964, 3: 162). Сам Вальтер Скотт в предисловиях и комментариях к романам неоднократно уведомлял читателей о собственных анахронизмах и объяснял, как «дело было на самом деле» (см.: Долинин 1988: 200–208). Вслед за родоначальником жанра, авторы русских исторических романов тоже начали признаваться в сознательно допущенных ими хронологических сдвигах. Так, М. Н. Загоскин в «историческом замечании» к второй главе «Юрия Милославского», действие которой происходит в апреле 1612 г., повинулся в том, что датировал этим годом важные исторические события предшествующих двух лет: «Московские жители целовали крест царевичу Владиславу в 1610 году; следовательно, в 1611 году знали об этом <...> и в самых отдаленных провинциях царства Русского. Тушинский вор также убит в 1610 году. Сочинитель винится в сих анахронизмах» (Загоскин 1988, 1: 283).

Аналогичным образом А. К. Толстой в предисловии к «Князю Серебряному» предупреждал: «Оставаясь верным истории в общих ее чертах, автор позволил себе некоторые отступления в подробностях, не имеющих исторической важности. Так, между

прочим, казнь Вяземского и обоих Басмановых, случившаяся на деле в 1570 г., помещена, для сжатости рассказа, в 1565 г. Этот умышленный анахронизм едва ли навлечет на себя строгое порицание, если принять в соображение, что бесчисленные казни, последовавшие за низвержением Сильвестра и Адашева, хотя много служат к личной характеристике Иоанна, но не имеют влияния на общий ход событий» (Толстой А. 1963–1964, 3: 161).

Анахронизмы, не влияющие «на общий ход событий», нередко встречаются и в историческом романе XX века (например, у Тынянова), и в современной прозе. Когда двадцатилетний герой романа Сергея Гандлевского «<НРЗБ>» (2002) Лев Криворотов, «молодой лирик, честолюбец и любовник зрелой женщины», знакомится с Чиграшовым, «поэтом средних лет с репутацией живого классика», тот рассказывает ему историю о том, как в Перми загорелся цирковой зверинец и из него выбрался только лев: его нашли два дня спустя в степи замерзшим насмерть. Желая понравиться «живому классику», Лева замечает: «Можно написать что-то вроде “Осеннего крика ястреба”», на что Чиграшов отвечает: «Вы правы, оба сюжета чреватые иносказанием. Но у моего – другой привкус: сплошь несчастье, не скрашенное гордыней» (Гандлевский 2002: 107–108).

Основное действие романа происходит, как надо понимать, в первой половине 1970-х годов, хотя Гандлевский, вслед за Пушкиным в «Капитанской дочке» и Набоковым в «Даре», «не договаривает единиц», когда речь заходит о биографии Чиграшова: «Чиграшов родился в день летнего солнцестояния 193... года»; он кончает жизнь самоубийством «13 сентября 197... года»; поэтическая антология с его стихами, опубликованными посмертно, выходит на Западе в «конце августа 197... года» (Гандлевский 2002: 55–56, 60, 63). При этом годы жизни Чиграшова можно установить по двум указаниям на его возраст в авторском повествовании, из которого следует, что шестнадцать лет ему исполнилось в 1950 г., когда он остался круглым сиротой, и что погиб он «в хрестоматийные тридцать семь» (Гандлевский 2002: 66, 81, 153). Следовательно, годом его рождения следует считать 1934 г. (он ровесник Всеволода Некрасова), а годом

смерти – 1971-й³. Сосуществование в романе двух хронологий, неопределенной и определенной, показывает, что Гандлевский стремился не к календарной точности, а к тому, чтобы – как он писал в письме ко мне – «создать нужную атмосферу, даже если это шло вразрез с фактами». Созданная в романе атмосфера – это отлично знакомая автору атмосфера московских вне-советских литературных кружков и объединений 1970-х гг., в которой Гандлевским и его товарищами создавался новый поэтический язык⁴. В двойной перспективе уместным оказывается и разговор об «Осеннем крике ястреба» Бродского (1975), одном из самых сильных поэтических высказываний десятилетия, хотя стихотворение было опубликовано лишь в 1982 г. (см.: Бродский 1982: 22–24) и потому в календарной реальности ни Чиграшову, ни Криворотову не могло быть известно. Слова гения московского андерграунда о том, что у Бродского, гения андерграунда ленинградского, несчастье «скрашено гордыней», намекают на разные установки двух поэтических школ.

Допустимый лаг анахронизма зависит от протяженности изображаемой эпохи и от того, насколько далеко она отстоит от современности. Если в шотландских романах Вальтера Скотта, действие которых происходит в XVIII веке, хронологические сдвиги не превышают 10–15 лет, то в его романах из английской средневековой истории лаг может измеряться несколькими веками. Так, в «Айвенго», действие которого происходит (или, вернее, должно происходить) в 1193–1194 гг., когда исторический Ричард I вернулся в Англию из плена, Скотт, по его собственному признанию,

³ Эту простую выкладку поддерживает рассказ Чиграшова о страшном пожаре в Пермском цирке – реальном событии, которое произошло в ночь на 24 января 1943 г. Как сообщает Чиграшов, ему тогда было восемь лет (см.: Гандлевский 2002: 107). «Здание сторело дотла. В огне погибли все животные, кроме льва Османа, реквизит, костюмы» (Пермский край 2020: 358).

⁴ В тексте имеется игровая отсылка к литературному объединению «Московское время» (Сопровский, Цветков, Гандлевский, Кенжеев и др.), издававшему в 1970-е гг. одноименный машинописный литературный альманах. Когда персонажи «<НРЗБ>» обсуждают название задуманной ими антологии неподцензурной поэзии, один из них предлагает назвать ее «Московское время», но тут же выясняется, что «это наименование уже занято даровитой пьянью во главе с Сопровским» (Гандлевский 2002: 120).

«смешал нравы двух или трех столетий и приписал царствованию Ричарда I явления, имевшие место либо гораздо раньше, либо значительно позже изображенного <...> времени» (Скотт, 1960–1965, 8: 29). Как отмечают комментаторы многочисленных изданий романа, в нем упомянуты Боабдил, мусульманский султан Гренады (1482–1492), и английские законы XV века, в прямую речь персонажей введены слова и пословицы, которые в XIX веке воспринимались как архаичные, хотя они вошли в английский язык на двести-триста лет позже описываемых событий и т. п.

Сам Вальтер Скотт оправдывал подобные вольности тем, что «ошибки такого рода ускользнут от внимания среднего читателя» (Там же), и многие критики романтической школы с ним соглашались. «Уже давно Поэзия присвоила себе неотъемлемую привилегию делать анахронизмы для своих художественных видов, изменять характеры лиц не столько известных, словом, нарушать историческую истину в неважных подробностях», – писал Шевырев в рецензии на роман Вельтмана «Ратибор Холмоградский», подчеркивая при этом, что на важные, общеизвестные исторические факты, которые суть «собственность памяти каждого образованного», эта привилегия не распространяется (Шевырев 1841: 434–435).

Через полтора века после Шевырева к сходным выводам пришел Умберто Эко, сформулировавший их на языке современной нарратологии и поэтики в пятой из его «Шести прогулок в литературных лесах». Обсуждая ономастику парижских улиц, по которым в главе XI «Трех мушкетеров» бродит д'Артаньян, он обратил особое внимание на один анахронизм. По старым картам Парижа и справочникам Эко установил, что в 1625 г. (время действия романа) улицы Сервандони (rue Servandoni), которую Дюма упоминает дважды (см.: Дюма 2019: 134), не существовало и не могло существовать. Она получила свое название только в 1806 г. по имени флорентийского архитектора Джованни Николо Сервандони (Giovanni Niccolò Servandoni, 1695–1766), построившего новый фасад церкви Сан-Сюльпис. Однако, замечает Эко, эти факты, относящиеся к области специализированных знаний, не входят в

энциклопедию «идеального» читателя» (по Шевыреву, не являются «собственностью памяти каждого образованного»), и потому читатели эмпирические анахронизма не видят. Вот если бы Дюма отправил своего героя на улицу Бонапарта (rue Bonaparte), читатель в негодовании тут же отбросил бы книгу или подумал, что имеет дело с ухронией (см.: Есо 1994: 104, 108, 114).

Эко признается, что прогулки в поисках улиц, названных в «Трех мушкетерах», и работа со старыми планами Парижа доставили ему большое удовольствие, хотя ни «идеальные», ни обычные эмпирические читатели романа не обязаны заниматься подобными разысканиями, тем более что анахронизмы у Дюма никогда не появляются в стратегически важных местах. «Мне нравилось играть роль параноидального читателя, проверяющего, соответствуют ли описания Дюма Парижу XVII века» (Есо 1994: 108, 113; перевод мой. – А. Д.), – добавляет он. В комментированных изданиях художественных текстов эту роль обязаны играть авторы комментариев, чья задача, в частности, заключается в том, чтобы выявить и объяснить анахронизмы, не входящие в энциклопедию «идеального» читателя. Правда, с появлением Гугла и прочих поисковиков у читателей появились небывалые прежде возможности за несколько минут проверить автора и самостоятельно пополнить свою энциклопедию, но мой опыт показывает, что ими мало кто пользуется.

Комментарии такого рода обязательны для исторических романов и других произведений, в которых точно указывается время действия⁵, но в остальных случаях они, как правило, факультативны, а иногда даже вредны. Рассмотрим один пример из комментариев к «Евгению Онегину». Сначала Набоков, а за ним и Ю. М. Лотман заметили, что вопрос Онегина в восьмой главе «Скажи мне, князь, не знаешь ты, / Кто там в малиновом берете / С послем испанским говорит?» (8, XVII) содержит анахронизм. По их утверждению,

⁵ Ср. начало первой главы «Трех мушкетеров»: «В первый понедельник апреля 1625 г. все население городка Менга, где некогда родился автор “Романа о розе”, было объято таким волнением, словно гугеноты собирались превратить его во вторую Ла-Рошель» (Дюма 2019: 17).

назначенный чрезвычайным посланником Испании в России после возобновления русско-испанских дипломатических связей Паэс де ла Кодена прибыл в Петербург лишь в 1825 г. и, следовательно, не мог присутствовать на светском рауте, который, как они полагают, следует отнести ко второй половине 1824 г. (см.: Nabokov 1990, 2: 183; Лотман 1983: 355)⁶. Хотя ни одно событие в самом романе не датируется точнее, чем годы жизни Ленского в описании надписи на его могильном камне: «Владимир Ленский здесь лежит, / Погибший рано смертью смелых, / **В такой-то год, таких-то лет.** / Покойся, юноша поэт!» (7, VI), и ни с какими историческими датами не сопрягается, и Набоков, и Лотман исходили из убеждения, что романное время поддается летосчислению и длится с 1819 по весну 1825 г. Задолго до них почти к тем же выводам пришел Р. В. Иванов-Разумник, реконструировавший «хронологическую канву» «Евгения Онегина» и утверждавший даже, что Пушкин, несомненно, сам делал подобные подсчеты на недошедшей до нас страничке в черновиках (см.: Иванов-Разумник 1909: 208–210; Иванов-Разумник 1916: 53–57). Его выкладки вкратце повторил первый советский комментатор романа Н. Л. Бродский (см.: Бродский 1932: 53, 165), главный объект насмешек Набокова, а потом, с некоторыми уточнениями и дополнениями, и почти все остальные комментаторы. Хронологию Иванова-Разумника / Бродского с энтузиазмом принял Г. А. Гуковский, поскольку она поддерживала его концепцию «человеческого и гражданского воспитания» Онегина, которое, как он утверждал, должно привести его на Сенатскую площадь (см.: Гуковский 1957: 274–277, 289–290).

Общепринятая хронология опирается на замечание Пушкина в предисловии к отдельному изданию первой главы «Евгения Онегина» (1825, 2-е изд. 1829):

Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни Петербургского молодого человека

⁶ Как недавно удалось установить по материалам в испанских архивах, Паэс де ла Кодена прибыл в Петербург в конце октября – начале ноября 1824 г. (см.: Райнхард 2020: 466–476).

в конце 1819 года и напоминает *Беппо*, шуточное произведение мрачного Байрона (Пушкин 1825: VII; Пушкин 1937–1959: 6, 638).

Пушкин писал это предисловие во второй половине 1824 г., когда не была закончена даже третья глава «свободного романа», и он еще не знал, как и в каких временных координатах будет развиваться его сюжет. Указание на 1819 г., как и сравнение с «Беппо», относятся исключительно к первой главе как отдельному законченному тексту (недаром Пушкин называет ее «нечто целое») и в полное издание «Онегина» (1833) не попали. Следовательно, начинать отсчет времени в законченном романе с даты, в нем отсутствующей, не вполне корректно.

Понимая это, некоторые исследователи и пушкинисты-любители попытались найти другие точки опоры для построения непротиворечивой хронологии. Особое внимание было уделено строфе XLIX четвертой главы (написана вчерне в январе 1826 г.), где Ленский передает Онегину приглашение Лариных на празднование именин Татьяны:

... – Да, Татьяны именины
В субботу. Оленька и мать
Велели звать, и нет причины
Тебе на зов не приезжать.

Поскольку в 1820–1826 гг. Татьянин день (12/24 января) приходился на субботу лишь единожды – в 1824 г., ревизионисты сдвинули начало и конец романа на три года вперед. Их выкладки, однако, отверг В. С. Баевский, показавший, что в черновиках строфы Пушкин перебрал несколько вариантов соответствующего стиха, в которых именины Татьяны празднуют то в субботу, то в четверг (как в реальном 1822 г.). «Колеблясь между четвергом и субботой, – замечает он, – Пушкин искал наиболее естественную фразу, близкую к конструкциям разговорной речи. Разница между этими двумя словами для него состояла только в количестве слогов. Очевидно, он никак не имел в виду приурочить поединок Онегина и Ленского к 1821 или какому-либо иному конкретному году» (Баевский 1983: 125).

Еще одну точку отсчета В. П. Старк усмотрел в знаменитом начале главы пятой:

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь.

По его утверждению, не подкреплённому никакими доказательствами кроме глухих ссылок на каких-то современных метеорологов, Пушкин имел в виду аномально позднюю зиму 1824–1825 гг., которую он провел в Михайловском⁷. Сама попытка датировать романное событие климатической аномалией кажется довольно странной, поскольку мы не знаем, в какой губернии живут герои «Евгения Онегина». Правда, в русской и западноевропейской печати 1820-х гг. отмечалась одна исключительно теплая, поздняя и короткая зима по всей России (и, более того, по всей северной Европе). Это была зима 1821/1822 г., которая ни в какие хронологические построения не укладывается. «Нынешняя теплая зима есть явление редкое и почти неслыханное», – писал «Сын отечества» (Сын отечества 1822, 8: 47). Петербургский корреспондент парижской газеты «*Journal des débats*» извещал читателей в апреле 1822 г., что прошедшая зима в северных странах принадлежит к числу самых замечательных явлений физического мира и, несомненно, войдет в анналы. По его словам, первый снег в Петербурге выпал только в день Рождества, а в некоторых внутренних провинциях и того позже (*Journal des débats*. 1822. 15 avril). Те же сведения приводились

⁷ Себе в союзники Старк записал Набокова, который, по его словам, в одном комментарии отказался от собственной хронологической схемы, сообщив: «На первой неделе мая 1825 г. двадцатипятилетний Евгений Онегин получает от слуги своего дядюшки письмо, в котором сообщается, что старик при смерти» (Старк 2011: 187). При этом он сослался на русский перевод набоковского комментария, вышедший под его редакцией (Набоков 1998: 103), в котором 1825 – это опечатка или ошибка. В оригинале читаем: “In the first week of May, 1820, twenty-five-year old Eugene Onegin receives a letter from his uncle’s steward telling him of the old man’s being at death’s door” (Nabokov 1990: 31).

и в ряде европейских журналов⁸. Пушкин, который провел зиму 1821 / 1822 г. в Кишиневе, конечно же, мог слышать или читать об этом удивительном явлении и использовать его в эффектном начале пятой, «зимней» главы романа, вовсе не стремясь к календарной точности.

Как кажется, почти всех комментаторов «Евгения Онегина» ввело в заблуждение пушкинское примечание к двум стихам строфы IV третьей главы:

Они дорогой самой краткой
Домой летят во весь опор.

В отдельном издании главы (1827) вместо «Домой» было по ошибке напечатано «Зимой», и рецензент «Северной пчелы» не преминул указать на явную опечатку и дал правильное чтение стиха (см.: Пушкин в прижизненной критике 1996: 326). Пушкин, однако, принял (или сделал вид, что принял) безобидное замечание за упрек и в полном издании романа (1833) ответил на него примечанием:

В прежнем издании, вместо *домой летят*, было ошибкою напечатано *зимой летят* (что не имело никакого смысла). Критики, того не разобрав, находили анахронизм в следующих строфах. Смеем верить, что в нашем романе время расчислено по календарю (Пушкин 1937–1959, 6: 193).

Это не вполне корректное возражение несуществующим критикам было воспринято большинством исследователей как указание на хронологическую точность романа, позволяющую нам датировать все основные события. Гуковский утверждал даже, что такая точность – «своеобразное нововведение Пушкина в литературе» (Гуковский 1957: 276). Никто, кажется, не обратил внимания на то, что Пушкин имел в виду не ежегодные календари или месяцесловы, необходимые для соотнесения чисел и дней недели в определенные

⁸ См., например: Bibliothèque universelle des sciences, belles-lettres, et arts... Geneve. 1822. T. 20. № 6. P. 108–109; The Museum of Foreign Literature and Science. 1822. Vol. 1. No. 6. P. 573; The Edinburgh Philosophical Journal. 1822. Vol. 7. No. 13. P. 386.

годы (такой «календарь осьмого года» Онегин нашел в доме своего дяди), а календарь в общем значении, то есть – по замечательной дефиниции Академического словаря – «разделение времени соображенное с употреблением в жизни» (Словарь 1814, 3: ст. 23). Думаю, прав был И. М. Тойбин, первым заметивший, что речь в пушкинском примечании «идет, несомненно, о календаре природы – о соответствии повествования временам года» (см.: Тойбин 1979: 125; ср.: Баевский 1983: 125). Именно такого «соображения с употреблением в жизни» требовали от писателей современники. 1 ноября 1836 г. на вечере у Вяземских в Петербурге Пушкин читал друзьям «Капитанскую дочку» (см.: Вяземский 1868: 650; Вяземский 1899: 347). Вскоре после вечера Вяземский (которому роман очень понравился) в письме к Пушкину отметил анахронизм: «Кажется зимою у тебя река где-то не замерзла, а темнеет в берегах, покрытых снегом. Оно бывает с начала, но у тебя чуть ли не посреди зимы» (Пушкин 1937–1959, 16: 183). На самом деле Вяземский ошибся, – описание еще не замерзшего Яика в начале главы III, которое он запомнил, отнесено у Пушкина к поздней осени (см.: Долинин 2022: 204–205), но сама суть его поправки весьма показательна. Хотя в «Капитанской дочке» есть несколько явных исторических анахронизмов и нестыковок⁹, Вяземского смутило лишь отклонение от природного, циклического календаря.

Все, наверное, помнят хрестоматийные описания смены времен года в «сельских» главах «Евгения Онегина» («Уж небо осенью дышало...»; «И вот уже трещат морозы...»; «Гонимы вешними лучами...»; «Но лето быстрое летит, настала осень золотая» и т. п.). Однако время внутри сезонных рамок и интервалов между ними далеко не всегда поддается точному исчислению, а романские события, приуроченные к определенным сезонам, нередко оказываются анахронистичными. Посмотрим, например, на течение времени в главах II–IV.

⁹ Самые очевидные случаи отмечены в работе: Гиллельсон, Мушина 1977: 76, 120, 165. Более точные и развернутые комментарии к анахронизмам см. в работах А. Л. Осповата: Осповат 2001: 357–365; Осповат 2002: 199–200; Осповат 2010: 125–127.

Ю. М. Лотман в комментарии отмечает: «В первой строфе второй главы упомянуты “нивы золотые” как деталь пейзажа первых дней пребывания Онегина в деревне. Озимые хлеба желтеют в северо-западных губерниях России в конце июня – начале июля» (Лотман 1983: 21). После приезда происходят следующие события: Онегин вступает в права наследства, заменяет барщину на оброк (для чего требовалось оформление бюрократических бумаг), восстанавливает против себя соседей, знакомится с Ленским, постепенно они сближаются, становятся неразлучными друзьями и, наконец, вместе отправляются в гости к Лариным. В реальной жизни на все это должно было бы уйти, как минимум, два-три месяца, но, когда Татьяна в любовном томлении пишет Онегину свое письмо, время словно бы возвращается вспять, потому что она слышит, как «соловей во мгле небес / Напевы звучные заводит...», а соловей, по крайней мере в поэзии, – это птица любовно-весенняя (см.: Кошелев 1999: 129–130)¹⁰.

В статье «Еще раз о хронологии “Капитанской дочки”» я показал, что время в историческом романе Пушкина движется неравномерно, то сжимаясь, то растягиваясь, то застывая на месте. Весьма длительные отрезки времени, в течение которых не происходит ничего особенно важного для развития действия (например, служба Гринева в крепости до начала Пугачевского бунта или в отряде Зурина), упоминаются вскользь, из-за чего у читателя складывается впечатление, что они краткосрочны. Так, Цветаева считала, что «между Гриневым – дома и Гриневым – на военном совете три месяца времени», тогда как на самом деле – не три месяца, а полтора года (см.: Долинин 2022: 200–209). Как представляется, в «Евгении Онегине» работает тот же механизм, только с большей степенью неопределенности, поскольку в «Капитанской дочке» некоторые границы интервалов обозначены историческими датами. Нам кажется, что между приездом Онегина в деревню и его объяснением с Татьяной проходит один-два месяца, так как Пушкин нигде не

¹⁰ По русской народной примете, зафиксированной в словаре Даля, «соловей поет до Петрова дня», то есть до 29 июня старого стиля.

говорит, сколько времени потребовалось герою, чтобы вступить в права наследства, наладить новую форму хозяйства, обустроить по-своему домашний быт, выбрать себе «белянку черноокою», заказать и получить предметы роскоши, книги, вино, подружиться с Ленским, но мы можем с не меньшей вероятностью предположить, – вопреки традиции, – что к Лариным он попадает только весной следующего года.

По наблюдениям В. А. Кошелева, не лучше поддается исчислениям интервал между гибелью Ленского (14 января 182... г.) и отъездом Татьяны Лариной «в Москву, на ярмарку невест» (см.: Кошелев 1999: 131–132). За это время на могиле Ленского ставят памятник с надписью (надо полагать, никак не раньше апреля-мая); к нему, «в поздние досуги», ходят плакать Татьяна и Ольга; затем у Ольги появляется новый жених – некий улан, который «умел ее пленить»; за улана она вскоре выходит замуж и уезжает с ним в полк; оставшись одна, Татьяна тоскует, отказывает трем женихам, «бродит по лесам одна» и, наконец, посещает дом Онегина. Все эти события в семье Лариных у Пушкина помещены в летние декорации, хотя, судя по длительности обязательных процедур, в пушкинское время предшествовавших венчанию (см.: Белова 2014: 311, 325–332), свадьба Ольги и улана едва ли могла состояться раньше осени. Поэтому, как и в случае с сельской жизнью Онегина, ничто не препятствует «идеальному читателю» романа в своем воображении сдвинуть отъезд Татьяны в Москву на целый год вперед.

Еще один хронометрический эллипсис, тоже связанный с пре-матримониальными ритуалами (знакомство, ухаживание, сватовство, помолвка), – это отрезок времени между московским балом, на котором важный / толстый генерал заметил Татьяну, и их венчанием. В романе сообщается только, что до возвращения Онегина в Петербург они прожили в браке около двух лет: «Так ты женат! Не знал я ране! / Давно ли?» – Около двух лет». – 8, XVIII).

Из всех комментаторов «Евгения Онегина» один только Дмитрий Чижевский пришел к мысли о невозможности установить непротиворечивую хронологию романских событий. «В любом случае бессмысленно искать точные указания на

течение времени в художественных произведениях, особенно в “свободном романе” типа “Евгения Онегина”» (Čiževsky 1953: 219), – постулировал он. Его поддержал В. С. Баевский, который точно определил общий методологический изъян у всех хронологистов: недифференцированное использование фактических данных различного эпистемологического статуса, в том числе внетекстовых. «При построении внутренней хронологии романа, – пишет он, – на равных основаниях принимались указания текста, опубликованного Пушкиным в отдельных изданиях глав и в изданиях романа 1833 и 1837 гг., материалы, оставшиеся в рукописях, черновые варианты, сообщение из частного письма Пушкина, факты и даты его биографии» (Баевский 1983: 116). Сам же роман в том виде, который он приобрел в полном издании 1833 г., не дает никаких оснований для построения «хронологической канвы» и установления года рождения персонажей¹¹.

Почему же на протяжении ста лет почти все комментаторы «Евгения Онегина» предпринимали упорные, но безосновательные попытки доказать, что в замысел Пушкина входил строгий и точный расчет романного времени, основанный на реальном календаре, тогда как время в романе пластично и не поддается измерениям? Как кажется, главной причиной всеобщей слепоты явилось центральное место, которое в русском литературном каноне отведено «Евгению Онегину», считающемуся верхом художественного совершенства. По определению, вторая реальность, создаваемая текстом такого статуса, должна обладать совершенной внутренней согласованностью всех элементов, прежде всего пространственно-временных. Во всяком случае для Набокова, пытавшегося своим переводом и комментарием ввести пушкинский роман в мировой канон (см.: Dolinin 1995: 117–130), именно этот фактор должен был

¹¹ В пушкинскую эпоху возрасту и годам жизни даже известных людей не придавали такого значения, как сейчас. Так, мы до сих пор не знаем, когда родились И. А. Крылов и Грибоедов (см.: Бабинцев 1959: 183–186; Фомичев 1977: 5–27). В нескольких французских биографиях и энциклопедических статьях, в том числе в двух биографических книгах Стендаля, называли неверные годы смерти Моцарта: 1792 и 1796 вместо правильного 1791.

иметь решающее значение, из-за чего он оказался в одном лагере с народником Ивановым-Разумником и правоверным советским литературоведом Бродским.

Советским же литературоведам не позволяла отказаться от календарных подсчетов их приверженность историзму. Даже Лотман, высказавший в спецкурсе о «Евгении Онегине» чрезвычайно плодотворную мысль, что в основе поэтики романа лежит «принцип противоречий», который проявляется на разных структурных уровнях (см.: Лотман 1995: 409–411), не решился отнести этот принцип к временной структуре текста. Он осторожно отметил лишь «общую тенденцию Пушкина к изображению фона седьмой-восьмой глав на основании реальных впечатлений последекабристской эпохи» (Лотман 1983: 355). Для «московских» строф седьмой главы это наблюдение конкретизировал К. Ю. Рогов, писавший: «...весь московский эпизод пронизан впечатлениями, обстоятельствами и словами московской зимы Пушкина 1826–1827 гг. (ср., например, варьирование формулы из эпитафии на Шаликова в черновиках строфы об “архивных юношах”, мадригал Корсаковой и пр.). При этом допускается даже некоторый анахронизм: так, согласно хронологии романа, действие московской главы разворачивается в 1822, в то время как те, кого мы подразумеваем под “архивными юношами”, – Веневитиновы, Киреевские, Мальцов, Шевырев – поступили в Архив в 1823 г., а их поколенческое самоопределение (в том числе– и в представлении самого Пушкина) отчетливо связано с постдекабристской эпохой» (Рогов 2004: 206).

Похожий хронологический кавардак обнаруживается и в тех строфах восьмой главы, а также в отброшенных вариантах и черновиках к ним, где описывается званый вечер у князя N (время действия по традиционной хронологии–конец 1824 г.). В строфе XXV Пушкин высмеивает некоего безымянного брюзгу, который сердит на все, в том числе «На вензель, двум сестрицам данный, / На ложь журналов, на войну, / На снег и на свою жену». Лотман в своем комментарии привел фрагмент из автобиографических записок А. О. Смирновой-Россет, где она, неточно процитировав эти строки,

объясняет, что «две сестрицы» (у нее «две сиротки», как у Пушкина в черновике), получившие вензель, то есть зачисленные в фрейлины, – это дочери покойного генерала-адъютанта Н. М. Бороздина (он скончался 14 ноября 1830 г. в Петербурге), о которых позаботился сам царь (см.: Лотман 1983: 356–358; Смирнова-Россет 1989: 199). По свидетельству их родственника, когда генерал был на смертном одре, «император Николай прислал к нему графа Бенкендорфа сказать умирающему, чтобы он был покоем за своих детей; отцом их будет он сам, государь, и, как всегда, он свято исполнил свое слово. После кончины Николая Михайловича меньшая его дочь, Наталья, была немедленно взята во дворец <...>, и тут она выросла и воспитывалась в царской семье с великими княжнами <...>. Другие две дочери <...> были сделаны фрейлинами императрицы» (Бороздин 1902: 904–905)¹².

К николаевскому царствованию прямо отсылает и другой объект сетований «сердитого господина»¹³ – война (в черновике «Польша»), коей – процитирую «Друзьям» (1828) – Николай «оживил Россию». Наконец, в черновиках и в беловых вариантах строф на вечере появляются Аннет Оленина («Annette Olenine», «Лиза Лосина»),

¹² Ср. в письме К. Я. Булгакова брату от 17 ноября 1830 г.: «Генерал-адъютант Бороздин умер. Он долго был болен <...> Говорят, что Государь приказал взять его дочерей во дворец. Везде и всегда милосерд наш ангел!» (Булгаков 1903: 428). В «Месяцеслове и Общем Штате Российской империи на 1831 [год]» две дочки Бороздина, Ольга и Настасья, уже включены в штат фрейлин императрицы, а младшая, Наталья, значится среди «девиц, помещенных жительство с фрейлинами» (Ч. 1. СПб., 1830. С. 33).

¹³ А. О. Смирнова-Россет утверждала, что Пушкин имел в виду графа Гаврилу Карловича Модена (1774–1833), обер-егермейстера (с 22 августа 1826 г.) при императрице, якобы завидовавшего благодеяниям, оказанным дочерям Бороздина. Лотман поставил это свидетельство под сомнение, но мне оно представляется весьма вероятным, поскольку соответствующая строфа была написана летом 1831 г., когда Пушкин жил в Царском Селе, постоянно общался с Россет и был в курсе дворцовых сплетен. Правда, мотив зависти приходится отвергнуть, потому что все четыре дочери Модена – Аделаида, Александра, София и Наталья – еще до 1831 г. были произведены в фрейлины, но он, как ответственный за весь штат фрейлин, мог быть недоволен тем, что дочери Бороздина получили вензель без его ведома. В черновике «сердитый господин» назван «графом Турином», что, по остроумному предположению О. А. Проскурина, намекает на графа Модена, так как обе фамилии омонимичны названиям двух известных итальянских городов – Турина и Модены (см.: Проскурин 2006: s. p.).

к которой Пушкин сватался в 1828 г., и императрица Александра Федоровна («Лалла-Рук») в сопровождении самого царя (8, XXVII):

И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой,
Коллебясь, входит Лалла-Рук,
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою,
И тихо вьется и скользит
Звезда-харита меж харит,
И взор смешенных поколений
Стремится, ревностью горя,
То на нее, то на царя, –
Для них без глаз один Евгений:
Одной Татьяной поражен,
Одну Татьяну видит он.

Хотя далеко не все намеки на реальных лиц в этих строфах удалось расшифровать, ясно, что Пушкин приводит своего героя в высший свет николаевского Петербурга, с которым он сам начал знакомиться только в конце 1827 г.

Прочитывая вторую половину строфы о «Лалле-Рук», Г. А. Гуковский заметил: «Эта строфа, конечно, отсутствует в печатном тексте и по цензурным причинам и потому, что появление в романе “Лаллы-Рук” – явный анахронизм: действие восьмой главы происходит в 1825 году» (Гуковский 1957: 272). Сходное объяснение предложил и Набоков: «...помимо цензурных соображений (Онегин русской государыне предпочитает Татьяну), Пушкина остановил анахронизм (он думает о впечатлениях 1827–1829 гг., а время действия главы Восьмой, до строфы XXXIV, не позже начала ноября 1824 г.)» (Набоков-Сирин 1957: 48; Nabokov 1990: 210). Обвинения в анахронизме попытался парировать Лотман, сославшись на бальный этикет касательно царственных особ. По его утверждению, время действия сцены – конец 1824 г., когда «Лалла-Рук» была еще великой княгиней, а бал в паре с ней открывает Александр I

(см.: Лотман 1983: 84–85). Однако, как ниже отмечает сам Лотман, «князь N дает не бал, а вечер» (Лотман 1983: 355), а «светский этикет строго различал правила проведения бала и танцевального вечера» (Захарова 2010: 38), причем в данном случае мы даже не знаем, был ли вечер танцевальным. Само появление Александра I на светском званом вечере в последний год его жизни было бы явлением почти невероятным, тогда как Николай I и «Лалла-Рук» в конце 1820-х – начале 1830-х годов будут часто приезжать на балы и приемы. Это различие в нравах при двух императорах отметила Дарья (Долли) Фикельмон в дневниковой записи от 28 января (9 февраля) 1830 г.: «В прежнее царствование нравы были строже, удовольствия, особенно в последние годы, были так редки, что на всей общественной жизни лежал оттенок большей серьезности, большей степенности. Сейчас всё постепенно становится розовым, более радостным. Императрица – само счастье, веселье, призыв к всеобщему развлечению. Император, молодой, красивый, окружен дамами, которые ловят его взгляды, жаждут их. Восхищение, галантность, смех и танцы ныне стали девизом» (Фикельмон 2009). Именно эту атмосферу вечера с присутствием царственных особ, когда, по свидетельству Фикельмон, «все взгляды, все внимание присутствующих направлены на них», и воссоздает Пушкин в опущенной строфе.

Эллиптическая структура романного времени, препятствующая хронологическим подсчетам, обусловлена, как кажется, двумя взаимосвязанными факторами. Во-первых, она в некотором смысле отражает историю создания «Евгения Онегина», над которым Пушкин работал восемь лет с перерывами. За это время планы развития сюжета и характеров неоднократно менялись, появлялись эллипсисы – как эксплицитные, так и имплицитные и гипотетические (см.: Genette 1972: 139–140), интервалы между эпизодами удлинялись и теряли календарную определенность. Соответственно, изменялся и образ автора-рассказчика, по словам Набокова, «стилизованного Пушкина» (“a stylized Pushkin”), который существует в своем собственном времени, маркированном биографическими намеками и другими способами автореферен-

ции (см.: Nabokov 1990: 6). Авторское время на протяжении почти всего романа опережает время его героев, рассказ о которых ведется с позиции некоего неведомого им будущего. Наглядный пример дистанции между временем рассказывания и временем романного действия – описание запущенной могилы Ленского в начале седьмой главы (7, VII):

Но ныне... памятник унылый
Забыв. К нему привычный след
Заглох. Венка на ветви нет;
Один, под ним, седой и хилый
Пастух по-прежнему поет
И обувь бедную плетет.

Ясно, что могила Ленского могла быть заброшена только после свадьбы Ольги и отъезда Татьяны с матерью в Москву, о которых читатель еще ничего не знает: настоящее автора – это их будущее.

Время персонажей догоняет время рассказывания только в восьмой главе, начиная со сцены, где автор и его муза оказываются на светском рауте николаевского царствования синхронно с вернувшимся из путешествия Онегиным и замужней Татьяной. Во многих строфах этой главы доминируют глаголы настоящего времени, подготавливая внезапный, но закономерный обрыв повествования в финале, где Онегин «**стоит**, как будто громом пораженный».

По сути дела, прихотливое, неравномерное течение романного времени в «Онегине» до сих пор не было адекватно описано и еще ждет подробного нарратологического анализа. Будем надеяться, что будущие комментаторы «Евгения Онегина» перестанут, наконец, ловить черную хронологическую кошку в темной комнате, где ее нет, и вместо выяснения вопроса, сколько лет Евгению и Татьяне, объяснят читателям, что художественное время рассчитывается не по календарям, а по самоволию автора текста.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабаев Э. Г. 1963. Примечания. – Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 20-ти тт. Т. 9: Анна Каренина: Роман в восьми частях. Части пятая–восьмая; М.: Государственное издательство художественной литературы. С. 449–493.
- Бабинцев С. 1959. О годе рождения И. А. Крылова. – Русская литература. № 3. С. 183–186.
- Баевский В. С. 1983. Время в «Евгении Онегине». – Пушкин: Исследования и материалы. Т. 11. Л.: Наука. Ленинградское отделение. С. 115–130.
- Белова А. В. 2014. «Четыре возраста женщины»: Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX вв. СПб.: Алетейя.
- Бороздин К. А. 1902. Отрывок из фамильных воспоминаний. – Исторический вестник. Т. 90: Декабрь. С. 884–907.
- Бродский И. А. 1982. Осенний крик ястреба. – Russica–81: Литературный сборник / Ред. А. Сумеркин. Нью-Йорк: Russica Publishers Inc. С. 22–24.
- Бродский Н. Л. 1932. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». М.: «Мир».
- Булгаков К. Я. 1903. Из писем Константина Яковлевича Булгакова к брату его Александру Яковлевичу Булгакову: 1829–1830 годы – Русский архив. Кн. 3. № 11. С. 399–432.
- Вяземский П. А. 1868. Письма к И. И. Дмитриеву. – Русский архив. № 4. Ст. 602–658.
- Вяземский П. А. 1899. Остафьевский архив князей Вяземских. Т. III: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым 1824–1836. СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева.
- Гандлевский С. 2002. <НРЗБ>. М.: Издательство «Иностранка»; НФ «Пушкинская библиотека».
- Гиллельсон М. И., Мушина И. Б. 1977. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: Комментарий. Пособие для учителя. Л.: «Просвещение».
- Гуковский Г. А. 1957. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Долинин А. А. 1988. История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели. М.: Издательство «Книга».
- Долинин А. А. 2022. Еще раз о хронологии «Капитанской дочки». – Долинин А. О Пушкине, о Пастернаке: Работы разных лет. М.: Новое литературное обозрение. С. 200–209.

- Дюма А. 2019. Три мушкетера / Пер. с фр. Д. Лившиц, В. Вальдман, К. Ксаиной. М.: АСТ.
- Жолковский А. К. 2011. Тонкости чтения: Из заметок о Льве Толстом. I: Что такое искусство? – Жолковский А. К. Очные ставки с властителем: Статьи о русской литературе. М.: РГГУ. С. 160–165.
- Загоскин М. Н. 1988. Соч.: В 2-х тт. Т. 1: Историческая проза / Сост., вступительная ст., комментарии А. Пескова. М.: Художественная литература.
- Захарова О. Ю. 2010. Русский бал XVIII – начала XX века: Танцы, костюмы, символика. М.: Центрополиграф.
- Иванов-Разумник Р. В. 1909. «Евгений Онегин». – Библиотека великих писателей под редакцией С. А. Венгерова. Пушкин. Т. III. СПб.: Издание Брокгауз-Эфрон. С. 205–234.
- Иванов-Разумник Р. В. 1916. Сочинения. Т. V: Пушкин и Белинский. Статьи историко-литературные. Пг.: «Прометей».
- Козлов И. И. 2017. Читая книгу «Война и мир» Л. Н. Толстого. Новосибирск: Сибирское книжное издательство.
- Кошелев В. А. 1999. «Онегина» воздушная громада...». СПб.: Академический проект.
- Лотман Ю. М. 1983. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. Пособие для учителя. Изд. 2-е. Л.: «Просвещение». Ленинградское отделение.
- Лотман Ю. М. 1995. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. – Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. «Евгений Онегин»: Комментарий. СПб.: «Искусство-СПб». С. 393–462.
- Набоков В. В. 1998. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин» / Пер. с англ. Е. М. Видре и др. Научный ред. и автор вступительной ст. В. П. Старк. СПб.: «Искусство-СПб»; «Набоковский фонд».
- Набоков-Сирин В. 1957. Заметки переводчика II. – Опыты: Литературный журнал под редакцией Ю. П. Иваска. Кн. 8. Нью-Йорк: [б. и.]. С. 36–49.
- Осповат А. Л. 2001. Из комментария к «Капитанской дочке»: Лубочные картинки. – Пушкинская конференция в Стэнфорде: 1999. Материалы и исследования. М.: ОГИ. С. 357–365.

- Осват А. Л. 2002. Из наблюдений над царскосельским топосом «Капитанской дочке». – Тыняновский сборник. Вып. 11. М.: ОГИ. С. 199–207.
- Осват А. Л. 2010. Из материалов для комментария к «Капитанской дочке» (8). – Европа в России: Сборник статей / Под ред. П. Песонена, Г. Обатнина и Т. Хуттунена. М.: Новое литературное обозрение. С. 125–127.
- Пермский край 2020. Пермский край в Великой отечественной войне: Энциклопедия. Изд. исправленное и дополненное / Авторы-составители энциклопедии: Т. С. Волкова, В. И. Тетерин, А. В. Хованская, Ю. Б. Шувалова, О. В. Ярома. Пермь: Пермский государственный архив социально-политической истории.
- Проскурин О. А. 2006. На все сердитый господин. – Проскурин О. А. Записки читателя. [URL: <https://o-proskurin.livejournal.com/59236.html>]
- Пушкин А. 1825. Евгений Онегин: Роман в стихах. СПб.: В типографии Департамента народного просвещения.
- Пушкин А. С. 1937–1959. Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. [М.; Л.:] Издательство АН СССР.
- Пушкин в прижизненной критике 1996. – Пушкин в прижизненной критике: 1820–1827 / Под общей ред. В. Э. Вацура, С. А. Фомичева. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр.
- Райнхардт Р. О. 2020. Начало дипломатической миссии посла Испании Х. М. Паэса де ла Кадена в Российской Империи (1824–1825). – Научный диалог. № 11. С. 466–476.
- Рогов К. Ю. 2004. (Не)известная эпиграмма Пушкина: К творческой истории VII главы «Евгения Онегина». – Лотмановский сборник. [Вып.] 3. М.: ОГИ. С. 196–214.
- Скотт В. 1962. Собр. соч.: В 20-ти тт. Т. 8. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы.
- Словарь 1814. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. III: К–Н. В Санктпетербурге, при Императорской Академии Наук.
- Смирнова-Россет А. О. 1989. Дневник. Воспоминания / Изд. подготовила С. В. Житомирская. М.: Наука.
- Старк В. П. 2011. «Снег выпал только в январе...» Внутренняя хронология романа «Евгений Онегин». – Звезда. № 6. С. 186–195.

- Тойбин И. М. 1979. «Евгений Онегин»: Поэзия и история. – Пушкин: Исследования и материалы. Т. 9. Л.: Наука. Ленинградское отделение. С. 83–99.
- Толстой А. К. 1963–1964. Собр. соч.: В 4-х тт. М.: Издательство «Правда».
- Толстой Л. Н. 1960–1965. Собр. соч.: В 20-ти тт. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Толстой Л. Н., Толстая С. А., Страхов Н. Н. 2003. Л. Н. Толстой и С. А. Толстая: Переписка с Н. Н. Страховым. Полн. собр. переписки / Сост. Л. Д. Громова, Т. Г. Никифорова, ред. А. А. Донсков. Т. 6–7. М.; Ottawa: Государственный музей Л. Н. Толстого; Slavic Research Group at the University of Ottawa.
- Фикельмон Д. Ф. 2009. Дневник 1829–1837: Весь пушкинский Петербург / Публикация и комментарии С. Мрочковской-Балашовой. Пер. с фр. М. Чакыровой и С. Мрочковской-Балашовой. Подготовка текста к загрузке: Н. Сутурина, Е. Валова. – Прожито: Дневники и воспоминания. [URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221830-01-01%22&diaries=%5B800%5D>]
- Фомичев С. А. 1977. Автор «Горя от ума» и читатели комедии. – А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л.: «Наука». Ленинградское отделение. С. 5–29.
- Шевырев С. П. 1841. Ратибор Холмоградский, соч. Вельтмана. – Москвитянин. № 10. С. 424–443.
- Beust, F. F. von 1887. Memoirs of Friedrich Ferdinand Count von Beust. Written by Himself / With an Introduction <...> by Baron Henry de Worms, M. P. 2 vols. Vol. 2. London: Remington & Co., Publishers.
- Čiževsky, D. 1953. Commentary. – Pushkin, A. S. Evgenij Onegin: A Novel in Verse / The Russian Text Edited with Introduction and Commentary by Dmitry Čiževsky. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. P. 207–314.
- Dolinin, A. 1995. Eugene Onegin. – The Garland Companion to Vladimir Nabokov / Ed. by Vladimir E. Alexandrov. New York & London. P. 117–130.
- Eco, U. 1994. Six Walks in the Fictional Woods. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Genette, G. 1972. Discours du récit. – Genette, G. Figures III. Paris: Éditions du Seuil. P. 67–274.
- Nabokov, V. 1981. Lectures on Russian Literature / Ed. and with an Introduction by Fredson Bowers. New York; London: Harcourt Brace Jovanovich/Bruccoli Clark.

Nabokov, V. 1989. Pnin. New York: Vintage Books.

Nabokov, V. 1990. Eugene Onegin: A Novel in Verse by Alexander Pushkin / Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. Vol. 2: Commentary and Index. Princeton: Princeton University Press.

REFERENCES

- Babaev, E. G. 1963. "Primechaniia." In *Sobranie sochinenii*, by L. N. Tolstoy. 20 vols. Vol. 9, *Anna Karenina*, 447–93. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.
- Babintsev, S. "O gode rozhdeniia I. A. Krylova." *Russkaia literatura* 3 (1959): 183–86.
- Baevskii, V. S. "Vremia v 'Evgenii Onegine'." In *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. Vol. 11, 115–30. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1983.
- Belova, A. V. "Chetyre vozrasta zhenshchiny": *Povsednevnaia zhizn' russkoi provintsial'noi dvorianki 18 – serediny 19 vv.* Saint Petersburg: Aleteia, 2014.
- Borozdin, K. A. "Otryvok iz famil'nykh vospominanii." *Istoricheskii vestnik* 90 (December 1902): 884–907.
- Brodskii, I. O. 1982. "Osennii krik iastreba." In *Russica–81: Literaturnyi sbornik*. Edited by A. Sumerkin, 22–24. New York: Russica Publishers Inc.
- Brodskii, N. L. *Kommentarii k romanu A. S. Pushkina "Evgenii Onegin."* Moscow: "Mir," 1932.
- Bulgakov, K. Ia. "Iz pisem Konstantina Iakovlevicha Bulgakova k bratu ego Aleksandru Iakovlevichu Bulgakovu: 1829–1830 gody" *Russkii arkhiv* 3, no. 11 (1903): 399–432.
- Čiževsky, D. "Commentary." In *Evgenij Onegin: A Novel in Verse*, by Alexander Pushkin. The Russian Text Edited with Introduction and Commentary by Dmitry Čiževsky, 207–314. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1953.
- Dolinin, A. A. *Istoriia, odetiia v roman: Walter Scott i ego chitateli*. Moscow: Izdatel'stvo "Kniga," 1988.
- . "Eugene Onegin." In *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. Edited by Vladimir E. Alexandrov, 117–130. New York & London: Garland Publishing Inc., 1995.
- . "Eshche raz o khronologii 'Kapitanskoi dochki'." In *O Pushkine, o Pasternake: Raboty raznykh let*, 200–09. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022.

- Dumas, A. *Tri mushketera*. Translated from the French by D. Livshits, V. Val'dman, K. Ksanina. Moscow: AST, 2019.
- Eco, U. *Six Walks in the Fictional Woods*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1994.
- Fomichev, S. A. "Avtor 'Goria ot uma' i chitateli komedii." In A. S. Griboedov: *Tvorchestvo. Biografiia. Traditsii*, 5–29. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1977.
- Gandlevskii, S. <NRZB>. Moscow: Izdatel'stvo "Inostranka"; NF "Pushkinskaia biblioteka," 2002.
- Genette, G. "Discours du récit." In *Figures III*, 67–274. Paris: Éditions du Seuil, 1972.
- Gille'son, M. I. and I. B. Mushina. *Povest' A. S. Pushkina "Kapitanskaia dochka": Kommentarii. Posobie dlia uchitelia*. Leningrad: "Prosveshchenie," 1977.
- Gukovskii, G. A. *Pushkin i problemy realisticheskogo stilia*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1957.
- Ivanov-Razumnik, R. V. "Evgenii Onegin." *Biblioteka velikikh pisatelei pod redaktsiei S. A. Vengerova. Pushkin*. Vol. 3, 205–34. Saint Petersburg: Izdanie Brockhaus-Efron, 1909.
- . *Sochineniia*. Vol. 5, *Pushkin i Belinskii. Stat'i istoriko-literaturnye*. Petrograd: "Prometei," 1916.
- Koshelev, V. A. "*Onegina' vozduشناia gromada...*" Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 1999.
- Kozlov, I. I. *Chitaia knigu "Voina i mir" L. N. Tolstogo*. Novosibirsk: Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2017.
- L. N. Tolstoi i S. A. Tolstaia: *Perepiska s N. N. Strakhovym. Polnoe sobranie perepiski*. Edited by L. D. Gromova, T. G. Nikiforova and A. A. Donskov. Vols. 6–7. Moscow and Ottawa: Gosudarstvennyi muzei L. N. Tolstogo; Slavic Research Group at the University of Ottawa, 2003.
- Lotman, Iu. M. *Roman A. S. Pushkina "Evgenii Onegin". Kommentarii. Posobie dlia uchitelia*. 2nd ed. Leningrad: "Prosveshchenie." Leningradskoe otdelenie, 1983.
- . "Roman v stikhakh Pushkina 'Evgenii Onegin.' Spetskurs. Vvodnye lektsii v izuchenie teksta." In *Pushkin: Biografiia pisatel'ia. Stat'i i zametki, 1960–1990. "Evgenii Onegin": Kommentarii*, 393–462. Saint Petersburg: "Iskusstvo-SPb," 1995.

- Memoirs of Friedrich Ferdinand Count von Beust*. Written by Himself. With an Introduction [...] by Baron Henry de Worms, M. P. 2 vols. Vol. 2. London: Remington & Co., Publishers.
- Nabokov, V. *Lectures on Russian Literature*. Edited and with an Introduction by Fredson Bowers. New York and London: Harcourt Brace Jovanovich/Brucoli Clark, 1981.
- . *Prin*. New York: Vintage Books, 1989.
- . *Eugene Onegin: A Novel in Verse*, by Alexander Pushkin. Translated from the Russian, with a Commentary, by Vladimir Nabokov. Vol. 2, *Commentary and Index*. Princeton: Princeton University Press, 1990.
- . *Kommentarii k romanu A. S. Pushkina "Evgenii Onegin."* Translated from the English by E. M. Vidre et al. Edited and prefaced by V. P. Stark. Saint Petersburg: "Iskusstvo-SPb"; "Nabokovskii fond," 1998.
- Nabokov-Sirin, V. "Zametki perevodchika II." *Opyty* 8 (1957): 36–49.
- Ospovat, A. L. "Iz kommentariia k 'Kapitanskoi dochke': Lubochnye kartinki." In *Pushkinskaia konferentsiia v Stanforde: 1999. Materialy i issledovaniia*, 357–65. Moscow: OGI, 2001.
- . "Iz nabliudenii nad tsarskosel'skim toposom 'Kapitanskoi dochki'." In *Tynianovskii sbornik*. Vol. 11, 199–207. Moscow: OGI, 2002.
- . "Iz materialov dlia kommentariia k 'Kapitanskoi dochke' (8)." In *Evropa v Rossii: Sbornik statei*. Edited by P. Pesonen, G. Obatnin and T. Huttunen, 125–27. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
- Permskii krai v Velikoi otechestvennoi voine: Entsiklopediia*. Edited by T. S. Volkova, V. I. Teterin, A. V. Khovanskaia, Iu. B. Shuvalova, O. V. Iaroma. Rev. and expanded ed. Perm': Permskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii, 2020.
- Proskurin, O. A. "Na vse serdityi gospodin." In *Zapiski chitatelia*. November 1, 2006. Accessed December 10, 2022. <https://o-proskurin.livejournal.com/59236.html>
- Pushkin, A. *Evgenii Onegin: Roman v stikhakh*. Saint Petersburg: V tipografii Departamenta narodnogo prosveshcheniia, 1825.
- . *Polnoe sobranie sochinenii*. 17 vols. [Moscow and Leningrad:] Izdatel'stvo AN SSSR, 1937–1959.
- Pushkin v prizhiznennoi kritike: 1820–1827*. Edited by V. E. Vatsuro, S. A. Fomicheva. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Pushkinskii teatral'nyi tsentr, 1996.

- Reinhardt, R. O. "Nachalo diplomaticheskoi missii posla Ispanii J. M. Páez'a de la Cadena v Rossiiskoi Imperii (1824–1825)." *Nauchnyi dialog* 11 (2020): 466–76.
- Rogov, K. Iu. "(Ne)izvestnaia epigramma Pushkina: K tvorcheskoi istorii 7 glavy 'Evgeniia Onegina.'" In *Lotmanovskii sbornik*. Vol. 3, 196–14. Moscow: OGI, 2004.
- Scott, W. *Sobranie sochinenii*. 20 vols. Vol. 8. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1962.
- Shevyrev, S. P. Review of *Ratibor Kholmogradskii*, by Alexander Vel'tman. *Moskvitianin* 10 (1841): 424–43.
- Slovar' Akademii Rossiiskoi, po azbuchnomu poriadku raspolozhennyi*. Pt. 3, K–N. V Sanktpeterburge, pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1814.
- Smirnova-Rosset, A. O. *Dnevnik. Vospominaniia*. Edited by S. V. Zhitomirskaia. Moscow: Nauka, 1989.
- Stark, V. P. "'Sneg vypal tol'ko v ianvare...'" Vnutrenniaia khronologiiia romana 'Evgenii Onegin'." *Zvezda* 6 (2011): 186–95.
- Toibin, I. M. "'Evgenii Onegin': Poeziia i istoriia." In *Pushkin: Issledovaniia i materialy*. Vol. 9, 83–99. Leningrad: "Nauka." Leningradskoe otdelenie, 1979.
- Tolstoi, A. K. *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Moscow: Izdatel'stvo "Pravda," 1963–1964.
- Tolstoi, L. N. *Sobranie sochinenii*. 20 vols. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1960–1965.
- Viazemskii, P. A. "Pis'ma k I. I. Dmitrievu." *Russkii arkhiv* 4 (1868): 602–58.
- . *Ostaf'evskii arkhiv kniaziei Viazemskikh*. Vol. 3, *Perepiska kniazia P. A. Viazemskogo s A. I. Turgenevym 1824–1836*. Saint Petersburg: Izdanie grafa S. D. Sheremeteva.
- Zagoskin, M. N. *Sochineniia*. 2 vols. Vol. 1, *Istoricheskaia proza*. Edited, prefaced and annotated by A. Peskov. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1988.
- Zakharova, O. Iu. *Russkii bal 18 – nachala 19 veka: Tantsy, kostiumy, simbolika*. Moscow: Tsentropoligraf, 2010.
- Zholkovskii A. K. 2011. "Tonkosti chteniia: Iz zametok o L've Tolstom. I: Chto takoe iskusstvo?" In *Ochnye stavki s vlastitelem: Stat'i o russkoi literature*, 160–65. Moscow: RGGU.